

ВЫБИРАЕМ
СОБЕСЕДНИКА

Е

СТЬ В НАШЕМ городе интереснейший коллектив — «Хореографические миниатюры», которым руководит Леонид Якобсон. Работы балетмейстера, очень разные, подчас спорные, выполненные на сценах различных театров, уже давно снискали ему заслуженное признание, но истинного блеска, виртуозности и выразительности Якобсон достиг в содружестве с коллективом, который создал. О «Хореографических миниатюрах» Майя Плисецкая высказалась взволнованно и коротко: «Это непременно надо видеть», а один театральный критик написал: «Это танцующая панорама разных эпох и народов».

Давайте же познакомимся чуть поближе с заслуженным деятелем искусств РСФСР, лауреатом Государственной премии СССР, лауреатом Парижской академии танца Леонидом ЯКОБСОНОМ.

— Леонид Вениаминович, некоторое время назад вы, как известно, вернулись из Италии, где были заняты интересной работой.

Пожалуйста, расскажите о ней.

— С Юрием Любимовым и художником его театра Давидом Боровским мы приехали в Милан, в Ла Скала, ставить оперу итальянского композитора Луиджи Нони «Под жарким солнцем любви». Замысел оперы поначалу был нам не очень ясен, тем более что сценарий строгого сюжета не имеет. За два месяца до премьеры музыка еще только записывалась, никто из нас, авторов, ее не знал. Лишь Боровский был спокоен. Он создал макет с движущимися плоскостями, очень интересно задуманный и потом в театре прекрасно выполненный. Это движение плоскостей — мягкое и пластичное — стало симфонией техники. И еще огромное впечатление на итальянцев произвел световой занавес, который давно и с успехом применяется в Театре на Таганке.

Музыка Луиджи Нони — авангардистская, достаточно сложная для восприятия. Но меня это не пугало. Сложно было то, что музыка писалась практически чуть ли не до дня премьеры.

В либретто оперы включены отрывки из текстов Маяковского, Брехта, Элюара, Фучика. В своем произведении композитор обратил к событиям последнего столетия — от Парижской Коммуны до наших дней. Первое действие оперы посвящено Париж-

ЯЗЫКОМ
ТАНЦА...

На вопросы «Смены» отвечает
заслуженный деятель искусств РСФСР
Леонид ЯКОБСОН

ской Коммуне. Затем рассказывается о первой русской революции 1905 года, появляются Мать и ее сын — революционер Павел, герои известного романа Горького. Далее опера отражает забастовочные выступления итальянских рабочих в 1950 году, штурм казармы «Монкада», возвестивший начало кубинской революции, борьбу вьетнамского народа против иностранной агрессии. В музыке оперы использованы мелодии «Интернационала», «Марсельезы», «Бандьеры россы».

Тема оперы — протест против насилия. Сквозной образ — образ Матери — отражает в ней мировую гуманность.

— Насколько специфична эта работа была для вас?

— Мне дали кордебалет Ла Скала, тридцать человек. Посколь-

ку, кроме своих типично кордебалетных классических вещей, они раньше ничего не делали, то и с трудом понимали, чего я от них требую. А нужна была выразительность, образность... Душа танца, как известно, — ритм. А тут музыка — авангардистская, ритма, по сути, нет. Мы работали по секундному отсчету. Допустим, номер идет 4 минуты 10 секунд — вот мы без музыки 4 минуты 10 секунд репетируем, а потом соединяем. Моим принципом в этом спектакле стала смена динамики и статики. Причем статика подчас обретала формы даже более убедительные, чем динамика. Это было скульптурно, выразительно и доносило идею танцев... Большим успехом пользовался, например, «танец Огня». Еще давно, в спектакле Кировского театра «В стране чудес», я по-

ставил «танец Огня» — танец рук. Несколько раз потом этот прием повторял. И сейчас, снимая с американским режиссером Кьюкором фильм «Синяя птица», тоже его использовал.

— Кстати, как вы думаете, почему именно ваш коллектив приглашен для съемок в «Синей птице»?

— На этот фильм раньше был законтрактован другой коллектив, но, когда Плисецкая привела Кьюкора на наш спектакль, он сразу же сделал выбор. Плисецкая, Бодунов, Надя Павлова и наша труппа — таково было его решение. Он сказал: «Ваш хореографический театр может все. У вас представлены, пожалуй, все композиторы, которые только существуют в мире: от Перголези через Стравинского, Дебюсси, Равеля, Прокофьева до самых новейших авангардистов. И хореография представлена жанрово разнообразно и неожиданно».

— Как вы сами для себя определяете принцип вашей школы? Всякий ли хороший артист балета может, на ваш взгляд, гармонично войти в ваш коллектив?

— Конечно, нет. Скажу даже больше: гениальную Майю Плисецкую я знаю с первого класса Московской балетной школы: в пятом классе я ставил ей номер. Плисецкая прошла через мои московские премьеры — танцевала в «Спартаке», «Шурале»... А по-

следние годы мы вместе не работали. И вот теперь, в работе над фильмом, оказалось, что преодолеть мою хореографию ей безумно трудно.

Мой стиль требует отдачи, понимания, проникновения, практики. В нашем коллективе, в общем-то, нет выдающихся исполнителей — уровень мастерства достаточно средний. Но все они — настоящие, глубокие и очень тонкие профессионалы. Они разностильны, они могут все. И главное — умеют говорить на языке хореографии. Ведь просто танцевать, даже хорошо танцевать — это еще не говорить. Тысячи людей кончают балетные школы и прекрасно танцуют, а говорить на языке танца редко кто умеет. Наши актеры умеют. Умеют создавать пластические образы, во главе угла у нас поставлена пластика, это гораздо шире и больше, чем узко понимаемая школа классического танца. В школе классического танца понятие пластика входит как элемент, а ведь пластикой можно рисовать все, что угодно, — любую картину жизни, любой литературный образ.

Конечно, такого ощущения искусства можно добиться от любого профессионала, но требуется время. Много времени.

— Какие работы доставили вам наибольшее удовлетворение?

— В Кировском театре я поставил восемь больших спектаклей, в нашем — около двадцати одноактных балетов, а всего миниатюр, наверное, около ста. Трудно выбирать. Все по-своему дорого...

— Ближайшие премьеры!

— К «Синей птице» очень серьезно не отношусь: символика и мюзикл — получится ли тут синтез, не знаю. В конце года в Кировском театре состоится премьера «Прометея» на музыку Скрябина. Затем — новая редакция «Спартака», которую я вижу скульптурной фреской на эту тему. Дело в том, что Италия произвела на меня впечатление неизгладимое: скульптурность Миланского собора, творения великих итальянских художников дали такой материал, что я хорошо вижу, каким должен быть этот спектакль как он по-новому должен выглядеть... Ну а в нашем театре будет «Севильский цирюльник» на музыку Россини (нет, не по известной опере, а из других его сочинений) будет одноактный балет — итальянская комедия масок, будет другой балет — на музыку вальсов Равеля... Могу назвать еще два-три десятка замыслов, которые находятся в разной стадии готовности. Есть среди них даже «Песнь песней»...

Беседу вел
Л. СИДОРОВСКИЙ